

Исидор Левин
Санкт-Петербург, Россия

ЛАЗАРЬ ГУЛЬКОВИЧ — ПРОФЕССОР ИУДАИКИ В ЛЕЙПЦИГЕ И ТАРТУ

Рамочная тема конференции уже по определению направлена в прошлое, ибо «выдающиеся личности», особенно среди евреев Прибалтики, бывают отмечены как таковые лишь посмертно. Мне же посчастливилось узнать ряд выдающихся людей еще при их жизни. Я расскажу о моем учителе в области «еврейской науки»¹ профессоре, докторе философии, а также медицины Лазаре Гульковиче. Будучи знаком с трудами этого выдающегося ученого, я воспринимаю эту свою попытку как проявление той наглости, которая и по-немецки именуется еврейским словом *хуце*. Вневременное величие ученого определяется его трудами. Л. Гулькович опубликовал 15 весьма содержательных книг, и если даже только привести очень емкие оглавления этих книг, то я бы не смог уложиться в отведенный мне лимит, не говоря уже об аналитическом обсуждении проблем, которых он касался в своих книгах.

Помимо лишь упоминания факта учреждения в Тартуском университете первой в Прибалтике кафедры иудаистики², где работал профессор Гулькович, все же позволю себе бегло коснуться некоторых взаимосвязей и проблем, вероятно, представляющих интерес именно в Прибалтике, в частности в Латвии.

Присутствие евреев в прибалтийских странах имеет, с точки зрения еврейской и европейской, весьма короткую, географически узкую и в сущности плоскую историю, которая многим знакома. Лишь с середины XIX в. здесь существенно увеличилось число евреев, так как их пребывание в Прибалтике долгое время было под запретом. Постепенно образовались легальные еврейские общины в Курляндии, позднее в Лифляндии и наконец в Эстляндии. Это происходило одновременно с духовным национальным пробуждением среди тонкой прослойки образованных лиц из среды крестьянского населения латышей и эстонцев, которое лишь к 1820 г. было освобождено от крепостного рабства. Совпадение упомянутых процессов у евреев и латышей, а также

взаимоотношения евреев и остзейской (прибалтийско-немецкой) знати — все это обычно рассматривается слишком обобщенно и весьма торопливо.

Первая Латвийская Республика обязалась дать национальным меньшинствам государственное школьное образование на родном языке. Это относилось и к евреям, число которых по сравнению с периодом перед Первой мировой войной сократилось почти наполовину и до ужасной Катастрофы составляло менее 100 тыс. (Следует уяснить, кто и почему остался, а кто покинул пределы Латвии.) Однако язык преподавания в еврейских школах стал спорной проблемой для латвийского правительства. Дело в том, что у евреев еще со времен царской власти имелись школы с русским или немецким языком обучения. Эти школы в 30-х гг. по причинам, заслуживающим пристального изучения, стали угасать.

Как это обычно водится у евреев (и отнюдь не только у них!), так называемый родной, «материнский» язык определяет отец. *Сионистски настроенные евреи желали посылать своих детей в так называемые «древнееврейские» школы (преподавание в которых велось на *иврите. — *Ред.*). Другие же евреи, придерживавшиеся социал-демократических взглядов, как, впрочем, и религиозные, требовали школу на родном языке, т. е. на *идише. Оба этих языка евреев (как, впрочем, и государственные языки — латышский и эстонский, которые не так давно стали благодаря переводу Библии книжными) имели один общий недостаток: не было стабильной школьной грамматики, не хватало слов, посредством которых учащимся можно было бы передать естественнонаучные знания. Все четыре упомянутых языка подлежали основательному обновлению, и сделать это была должна именно интеллигенция. Латыши и эстонцы вскоре справились с этой задачей. Для этого у них были государственные университеты и институты. Евреи же в Прибалтике не имели необходимых языковедческих учреждений. Лишь в Литве работала учительская семинария, а в Риге имелись только эфемерные курсы учительского профсоюза «Хаморе». Забота о возрождавшемся тогда древнееврейском языке — иврите возлагалась на создававшийся негосударственный Еврейский университет в Иерусалиме³. Развитием языка идиш занимались в советских Украине и Белоруссии государственные академические институты, но их спорные результаты за пределами СССР были неприемлемы по причине политической тенденциозности⁴. Задачу упорядочения языка идиш старались решить также в индивидуальном порядке ученые-энтузиасты в Польше, Румынии, Германии. Участие специалистов из

Прибалтики было слабым, несмотря на образцовый опыт эстонцев и латышей. (О причинах этого стоило бы провести дискуссию.)

Молодой университет в Риге вообще не замечал евреев в смысле поощрения их местной культуры, более того, доступ евреев к высшему образованию в Латвии, хотя и неофициально, все более ограничивался. Даже теологический факультет, который обучал будущих пастырей душ для лютеран, католиков, а позднее и для православных (латышей и русских), не проявлял подобающего интереса к иудаистике, хотя преодолению маркионизма⁵, пренебрегавшего еврейским Ветхим Заветом вообще, можно было поучиться в Германии, в частности в Лейпциге. Евреи в Латвии, в отличие от прибалтийско-немецкого населения, которое содержало для себя высшее учебное заведение — Институт Гердера, ничего подобного не имели. Правда, к концу существования первой Латвийской Республики в Даугавпилсе нашла убежище *иешива из оккупированной нацистами Польши, однако значение этого, если можно так выразиться, вуза было ничтожно.

Не только из-за мирового экономического кризиса после Первой мировой войны, который постиг и молодые государства Прибалтики, но, по всей видимости, в еще большей мере в силу внутренних препятствий и выраженного отсутствия чувства реального историзма пострадала культура. Пожалуй, у латвийских евреев не обнаруживалось понимания истории даже собственной семьи. (В свое время я это наблюдал и исследовал.) В Латвии не проявлялась научная активность по части еврейства ни до, ни после 1934 г.⁶, что следует считать симптоматичным.

Иначе, нежели в Латвии, обстоятельства сложились в небольшом соседнем государстве Эстонии. Правительство предоставило здесь национальным меньшинствам культурную автономию. В 1924 г. этим правом воспользовались все 3000 местных евреев. Они содержали несколько начальных и две средних школы (одна с преподаванием на идише, другая — на иврите). В Эстонию, как и в Латвию, учителей по еврейским предметам приглашали из-за границы. Некоторые предметы вскоре стали преподаваться на государственном языке. Тем более заслуживает внимания инициатива небольшой группы образованных эстонских евреев в конце 20-х гг. организовать в Тарту светское еврейское, а не иудаистическое обучение при университете, и не только для подготовки школьных учителей, но для научно-исследовательской работы. Уже одно желание, которое было вскоре удовлетворено, а именно основать кафедру «еврейской науки» с ординарным профессором, было в те времена для Европы явлением исключительным.

Согласно уставу автономного университета, частные или общественные организации, даже иностранные, имели право учреждать при университете кафедры или институты. Некоторые европейские государства воспользовались этой возможностью, например Чехословакия, Польша, Франция, Великобритания, да и Латвия, чтобы их языки и культура были внедрены в университетскую программу. Евреи, однако, своего государства тогда не имели, поэтому было образовано Общество поощрения еврейской науки при университете, которое и приступило к переговорам с ректором. Университет назначил комиссию компетентных профессоров, которая должна была подготовить концепцию учебной программы.

Во время оно, да и теперь еще, было бы поучительно для коллег в Риге основательно познакомиться с рекомендациями экспертов для столь необычной кафедры. В частности, заслуживает внимания положительная мотивировка теологического факультета. Именитым ученым уже тогда было ясно, что иудейство для христиан не исчерпывается Библией. Для понимания Нового Завета и учения Иисуса неизменно требуется знание раввинистической и другой литературы, а также кое-что еще. Это были не только благие пожелания, но и дела: эстонские теологи преодолели враждебное отношение к Ветхому Завету, а тем самым и к живому иудейству, характерное для консервативных немецких лютеран того времени, например специалиста по догматике профессора Гарнака. Эстонцы еще раньше пригласили лектора по раввинистике Янкеля Ноделя, который учился в Базеле и Цюрихе, затем преподавал в еврейской школе в Тарту, а позднее в Риге. Он в течение нескольких лет бесплатно читал лекции и вел семинары для теологов.

В нынешнее время, после уничтожения евреев в Европе, богословское и культурно-историческое отношение к еврейству существенно изменилось. Впрочем, не в якобы православной России. Так, например, на днях проповедовал по германскому радио умный немецкий пастор, говоря, что «у Бога еврейская биография». В те времена подобное высказывание показалось бы латышским епископам (Ирбе, Гринбергс) — в отличие от эстонских — полной ересью.

Сегодня, через более чем 100 лет после Леопольда Цунца (1794—1886) — основателя «еврейской науки», который при жизни тщетно боролся за включение этого предмета в программу университетов Германии, иудаикой занимается, кроме прочих, и университет в Риге. Однако, по-моему, недопустимо, чтобы история евреев, в частности в Латвии, сводилась только к те-

ологии и (или) национализму. Кажется, что сейчас происходит то, против чего так рьяно выступал С. М. Дубнов⁷. По его мнению, еврейская история не является ни чисто религиозной, ни мученической, что сегодня обозначается термином «*Холокост» и властвует над ментальностью большинства евреев из-за отсутствия глубоких знаний.

Кстати, уже давно и именно в Латвии евреи уже в школе получают точную информацию из компетентных источников о всех трех библейских религиях, о культуре, обычаях и письменных источниках христианства и ислама. Хотя бы для этой цели необходимы элементарные общие знания для евреев и неевреев.

Для распространения знаний необходимо учебное заведение. Малочисленные евреи Эстонии были слабы, чтобы осилить содержание института «еврейской науки» при Тартуском университете. А более многочисленные и предприимчивые евреи Латвии проявили себя, к сожалению, пассивными в осуществлении подобного чисто академического проекта, который не принес бы прямой материальной выгоды, хотя помог бы латвийским евреям поднять свой уровень в области национальной культуры. Такое отношение было характерным для евреев Латвии. Авторитарное правительство Карла Ульманиса стремилось к клерикализации школы и культуры, в том числе и еврейской. И эта преувеличенная игра в «заботу о народном духе» была поначалу хорошо встречена ортодоксальными еврейскими кругами Латвии, в отличие от Эстонии, как предложение совершить покаяние.

Некоторые влиятельные лица в Латвии, Литве и Финляндии благожелательно приняли к сведению провозглашенное намерение создать в Тарту учебное заведение по «еврейской науке», но ничего не обещали. Переговоры в Тарту тем временем медленно шли вперед.

Сразу же после прихода к власти нацистов в 1933 г. были закрыты почти все еврейские учебные заведения в Германском рейхе, евреям была запрещена учеба в вузах, профессура еврейского происхождения была уволена. Только незадолго перед тем был основан Берлинский комитет друзей кафедры иудаистики Тартуского университета. При участии Альберта Эйнштейна, Мартина Бубера⁸, Лео Бека⁹ и Семена Дубнова было отправлено письмо на имя ректора Тартуского университета, в котором приветствовалось планируемое открытие кафедры и ее значение для будущего восточноевропейского еврейства, в частности отмечалось, что новое учебное заведение может стать образовательным центром для учителей еврейских школ (включая Германию), а также научным центром. Это письмо именитых личностей уско-

рило переговоры с университетом, тем более что обязанности ректора исполнял в то время теолог, впоследствии епископ, профессор Кепп.

Тем временем комиссия, в которую входили профессор Вальтер Андерсон, который кроме прочего знал идиш и занимался сравнительной фольклористикой, лингвист профессор Кикерс и в особенности библеист и арабист Александр фон Бульмеринг, завершила работу по планам, кстати, включив в программу также идиш. Был объявлен конкурс на вакансию штатного профессора на философском факультете и уже велись переговоры с профессором из Лейпцига Лазарем Гульковичем, специалистом по послебиблейскому периоду. Он подал необходимые документы, тем более, что как еврей он только что был уволен из университета и лишен подданства. В январе 1934 г. Л. Гулькович был официально вызван телеграммой и уже 14 февраля был утвержден эстонскими властями в качестве штатного профессора. Ему было 36 лет.

Несколько строк о биографии профессора.

Лазарь Гулькович родился 20 декабря 1898 г. в Жирине (Минская губерния). До 12 лет он учился в школе в Барановичах, затем был принят в знаменитую иешиву в Мире (ныне в Гродненской области, Белоруссия. — *Ред.*). В 13 лет его перевели на высшую ступень иешивы для изучения *Талмуда. Там он проучился до 18 лет (ок. 1916 г.). Шла Первая мировая война, и семья Гульковичей нашла убежище в портовом городе Николаеве. В 20 лет, 14 ноября 1918 г., он сдал необходимые экзамены в Николаевской (Березовской) средней школе и получил документ для поступления в университет.

В результате реэвакуации Л. Гулькович попадает в Вербален, где руководит еврейской народной основной школой. Он мог там стать также раввином, но захотел изучать медицину. Л. Гулькович переехал в Кенигсберг и учился там с 1920 по 1923/24 г. Незадолго до получения ученой степени доктора медицины (в области офтальмологии) он обратился к филологии и другим гуманитарным наукам. В 24 года, 6 декабря 1922 г., ему была присуждена ученая степень доктора филологии, и он занял скромную должность в Лейпцигском университете. Постепенно он стал экстраординарным (нештатным) профессором и успешно работал как на теологическом, так и на философском факультетах.

В конце 1933 г. его карьера в Германии была закончена. С начала 1934 г. он получил разрешение работать в Тарту. Здесь у него было около 20 учеников — двое приехали вместе с ним из Германии, четверо были эстонцы, а большинство составляли приехавшие из Латвии: Дина Михельсон из Риги, Циля Вульф и

Мирьям Берснер из Курляндии хотели стать учительницами, Калман Хиршман из Либавы (Лиепай) хотел стать раввином. Меня интересовала только наука. Я посещал все лекции: по грамматике иврита, *арамейского и аккадского языков, о библейских книгах пророков, о *Талмуде и *Тосефте, о *Пиютах, о Маймониде¹⁰ и о проблемах *хасидизма. Гулькович написал около 10 книг о хасидизме, которые вышли в университетских изданиях (последняя работа вышла в 1940 г. незадолго до советской оккупации). После этого были ликвидированы кафедра иудаистики, кафедра ориенталистики и весь теологический факультет. Во время оккупации Эстонии немецкими войсками Лазарь Гулькович вместе со своей семьей, почти все его ученики и остальное еврейское население Тарту были уничтожены.

Несколько лет назад в Лейпцигском университете, который хранит память о Л. Гульковиче и где был основан также и Институт С. Дубнова, я рассказывал о встрече Гульковича и Дубнова в Риге в 1938 г. Следовало бы также подробно рассказать о научных взглядах и отношениях обоих ученых. Поверхностные разговоры здесь неуместны. Стоило бы раскрыть философию истории в работах Л. Гульковича и его полемику с трудами С. Дубнова по истории хасидизма. Но отведенный мне лимит не позволяет этого сделать. У меня имеются также материалы о контактах Л. Гульковича с Мартином Бубером в 1933 г. в Германии и позднее, в 1939 г., в письмах, где Гулькович выразил желание посетить Иерусалим... Но было уже поздно. Этому глубокому еврейскому мыслителю и ученому было отмерено только 42 года жизни. Зерна, которые он с надеждой заронил в души молодежи из Латвии, не дали здесь урожая.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Точнее — *наука о еврействе. — *Ред.*

² См. об этом также в ст. Т. Шор, помещенной в настоящем сборнике. — *Ред.*

³ Еврейский университет в Иерусалиме открылся в 1925 г. — *Ред.*

⁴ Подробнее об этом см. в ст.: *Гельцер Ш.* Сравнение судеб языков иврит и идиш в XX столетии // Евреи в меняющемся мире: Материалы 1-й Междунар. конф., Рига 28—29 авг. 1995 г. Рига, 1996. С. 144—152. — *Ред.*

⁵ По имени Маркиона — христианского деятеля II в., уроженца Малой Азии, который появился в Риме ок. 140 г. и выступал за полный разрыв христианства с иудаизмом, не признавал человеческой природы Иисуса Христа. Римские христиане исключили его из своей общины, однако он имел много сторонников в Италии, Малой Азии и других местах. — *Ред.*

⁶ В 1934 г. латышскими национально-консервативными силами во главе с К. Ульманисом был совершен государственный переворот, установивший в Латвии этнократический авторитарный режим. — *Ред.*

⁷ См. прим. 1 на с. 178. — *Ред.*

⁸ Бубер Мартин (Мордехай) (1878—1965) — еврейский религиозный философ и писатель; его философия близка к экзистенциализму, ее центральная идея — диалог между Богом и человеком, человеком и миром. Родился в Германии, где в 1935 г. нацистский режим лишил его права заниматься общественной и педагогической деятельностью; в 1938 г. эмигрировал в Палестину. — *Ред.*

⁹ Бек Лео (1873—1956) — германский раввин и религиозный мыслитель, лидер *реформизма в иудаизме (главный труд — «Сущность еврейства» (1905) на немецком языке). В 1943 г. был отправлен в концлагерь Терезиенштадт, где выжил, и после войны переехал в Лондон. В 1955 г. в Иерусалиме был создан Институт им. Лео Бека для сбора материалов и содействия исследованиям по истории еврейских общин Германии и других немецкоязычных стран. — *Ред.*

¹⁰ См. прим. 8 на с. 56. — *Ред.*